

Глава 25. Только не выбрасывай

Едва Таотэ заговорил, кроха вздрогнул. Маленькие изящные пальчики судорожно вцепились в подол рубашки. Малышу было невыразимо обидно, но на этот раз он сдержался и не заплакал — лишь опустил голову, отчаянно борясь с подступающими слезами. Чистый провинившийся школьник, которого учитель поймал за каверзой.

Но стоило великану пригрозить, что выставит его вон, как Якоб испуганно вскинул голову.

— У-у... — жалобно завел он.

— Всё залито водой, кругом какая-то грязь! Как спать-то ложиться теперь? И в кого ты такой бестолковый... — Таотэ раздраженно откинул одеяло, но от увиденного его злость только вспыхнула с новой силой: простыня и изнанка одеяла лоснились от густой черной жижи.

Этого упрека кроха уже не вынес. Он громко, безутешно разрыдался, и крупные слезы градом покатались по его лицу.

Однако Таотэ не думал смягчаться. Он слегка покачивал рукой, отчего зажатый в его пальцах бедолага болтался из стороны в сторону. Одно только зрелище этого вызывало жалость — малышу явно было несладко, — но великан твердо решил проучить упрямца. Пора наконец показать характер, иначе как его воспитывать, если спускать с рук подобные шалости?

— Плачь не плачь, не поможет! — гремел он, распаляясь всё сильнее. — Пока нормально не объяснишь, что здесь стряслось, спать будешь на улице. Слышишь?

В сердцах ему даже захотелось крутануть этого паршивца в воздухе, как пропеллер. Конечно, это было лишь мимолетной вспышкой гнева: крутани он кроху на самом деле — и от хрупкого тельца мокрого места не останется.

— А-а-а... Таотэ... ы-ы-ы... — завывал испуганный Якоб.

Задыхаясь от рыданий, он отчаянно тянул вверх ручонки, силясь ухватиться за чужой палец. Он до смерти боялся, что его и впрямь выставят за порог на съедение ночному холоду.

— Ну? Говори, откуда эта грязь? — На лбу у Таотэ вздулась вена.

— У-у-у... Таотэ... — захлебывался слезами малыш.

Он вцепился в ноготь великана, словно в спасательный круг, глядя на него полными обиды и страха глазами.

— Не скажешь?

Таотэ швырнул одеяло на кровать и решительно зашагал к выходу, всем своим видом показывая, что намерен исполнить угрозу.

— А-а-а! Не надо! Пожалуйста, не надо, Таотэ! — отчаянно закричал Якоб, заходясь в истерике.

Он мертвой хваткой вцепился в фалангу указательного пальца великана, но тот крепко держал его за шиворот, лишая малейшей возможности освободиться.

Оставалось только плакать — навзрыд, до хрипа, до изнеможения.

— Пощади... ы-ы-ы... Таотэ, не выкидывай меня... — умолял несчастный малютка.

У самого порога великан остановился и сурово воззрился на своего пленника:

— Говорить будешь?

Ведь уходил — всё было в полном порядке. Стоило отлучиться на часок, как этот негодник перевернул весь дом кверху дном! И ведь только утром он его выкупал, справил новую одежду — а в ответ получил черную неблагодарность. Как тут не выйти из себя?

Пока великан медлил, Якоб поспешно поджал ноги к животу и сжался в комочек, словно боясь, что стоит ему распрямиться, как он тут же полетит в грязную лужу за дверь.

Судорожно обнимая чужой палец, он сквозь рыдания выдавил:

— Ты... ты сам сказал... мы-ы-ы... мыться... Это ты... ты меня туда отправил!

— Я велел тебе искупаться, а не устраивать потоп в постели! — отрезал Таотэ. — И с каких это пор после купания становятся грязнее, чем были?

Кроха сейчас выглядел не просто чумазым — казалось, он битый час кувыркался в грязном болоте. Новая черная одежда скрывала масштаб бедствия, и Таотэ не сразу разглядел детали. Но присмотревшись, он ужаснулся: ткань пропиталась липкой гадостью, воротник и рукава покрывали комья жирной черной слизи, а от нежной светлой кожи бедного Якоба не осталось и следа — он весь был покрыт этой жуткой коркой.

От гнева и досады у Таотэ кровь отхлынула от лица.

Зажатый в его руке малютка ревел всё громче, испуганно вереща на высоких нотах. Не знай

хозяин дома предыстории, этот душераздирающий плач мгновенно растопил бы его сердце. Но сейчас великан оставался непреклонен. Малыш должен усвоить урок раз и навсегда.

— Таотэ... Таотэ, миленький, пожалуйста, не надо... — Якоб поднял заплаканное личико, умоляюще глядя на него покрасневшими глазками.

Крупные слезы дрожали на ресницах и щеках; при каждом судорожном вздохе эти прозрачные бусинки вздрагивали, готовые сорваться вниз.

Заметив, что великан замер, малютка робко моргнул. Его ручонки затекли от непосильного напряжения, но опустить их он не смел.

— Таотэ... ну Таотэ... — хныкал он, даже не пытаясь оправдаться, а лишь жалобно повторяя имя своего грозного покровителя.

Первая ярость улеглась, уступив место глухой досаде. Смотреть на испуганного, понурого малыша было больно, сердце щемило от жалости. Но разум твердил: прояви сейчас слабость — и завтра этот сорванец разнесет весь дом. Поэтому великан продолжал молча хмуриться, буравя бедолагу тяжелым взглядом.

— Таотэ... — видя, что гроза вроде бы миновала и на него больше не кричат, Якоб немного приободрился. Он легонько потеревил ноготь гиганта. — Я буду хорошим... Честное слово, послушным-послушным...

От долгого плача кроха начал икать, а его крошечное личико совсем побледнело.

— Честно... ик... я буду слушаться...

— Послушный? А откуда тогда этот свинарник? — ворчливо отозвался великан, хотя в его голосе уже не было прежней суровости.

— Буду... только не выгоняй... ик... Якоб послушный... — хлюпал носом кроха. На этот раз испуг и впрямь оказался слишком сильным.

Таотэ вздохнул. В конце концов, испачканная постель — не смертный грех. Ну, повозится он со стиркой подольше, делов-то.

Глядя на несчастное личико Якоба, великан окончательно растаял. Гнев улетучился, оставив лишь стыд за собственную несдержанность. Пожалуй, он слишком уж развоевался из-за пустяка. Но сдавать позиции сразу не следовало. Если дать слабину, малютка совсем на шею сядет.

Помолчав, великан перенес беглеца на стол. Выгонять его никто, конечно, не собирался.

— И всё-таки, откуда эта жижа? — спросил он уже спокойнее.

Но едва зашла речь о причинах погрома, Якоб упрямо сжал губы. Он лишь похлопал мокрыми ресницами и уставился на великана полным беззащитной тоски взглядом.

— Я больше не бу-у-ду... ик... — плечики крохи снова мелко задрожали.

Таотэ мысленно застонал. И как он раньше не замечал, что этот пройдоха умеет так виртуозно давить на жалость? Сам ведь натворил делов, а смотрит так, словно обидели его. Настоящий маленький манипулятор!

С напускной суровостью Таотэ развернулся и принялся наводить порядок на кровати. Он быстро сдернул испачканное белье, взбил свежие подушки, натянул чистое покрывало, а ворох грязных простыней выставил в сени — постирает завтра.

Закончив с постелью, он принес из кухни ушат теплой воды и водрузил его на стол рядом с Якобом.

Опустившись на стул, великан сложил руки на груди. Кроха боязливо покосился на хозяина дома. Тихо шмыгая носом, он засеменил к его ладони, заискивающе заглядывая в глаза. Но помощи не дождался. Поняв, что раздевать его никто не собирается, Якоб обиженно надулся и, вздыхая, принялся сам возиться с завязками.

С тех пор как они поселились вместе, Таотэ всегда ухаживал за ним, и теперь самостоятельность давалась малышу с трудом. От этой мысли к горлу подкатил горький ком, а глаза вновь предательски щипало.

Но Якоб сжал волю в кулак. Он шумно шмыгнул носом, прикусил губу и сделал глубокий вдох, сдерживая порыв.

Беда в том, что узел, который великан заботливо завязал утренним покойным часом, никак не поддавался крохотным пальчикам. Якоб паниковал: Таотэ сидел прямо над ним и ждал, а дело не двигалось. От спешки пальцы не слушались, и тугой шнурок затянулся еще сильнее, превратившись в глухой комок.

Окончательно запутавшись, малыш робко покосился на великана, сжимаясь от страха, что тот опять вспылит и начнет кричать.

Таотэ, внимательно следивший за каждым его движением, тяжело вздохнул. Обиженный, полный слез взгляд заставил его сдаться. Протянув руку, он осторожно подцепил ногтем запутавшийся узел на воротнике одежды.

Стоило освободить горловину, как взгляду открылось истинное бедствие: под тканью скрывались целые хлопья жирной черной слизи, измазавшие всю грудь и плечи малютки.

Таотэ брезгливо поморщился. Малыш виновато шмыгнул носом и побрел к ушату. Подойдя к самому краю, он нерешительно замер, ухватившись за бортик, и с мольбой уставился на хозяина — лезть в воду самому ему было страшно.

Но великан демонстративно отвернулся: отмыть эту корку без полного погружения было немыслимо, пусть справляется сам.

Якоб жалобно надул губки, но спорить не посмел. Кряхтя от усердия, он перекинул короткую ножку через край ушата и принялся медленно, с величайшей осторожностью сползать в воду.

Оказавшись в воде, он так и не решился отпустить деревянный бортик. Маленькие ладошки, черные от вьёвшейся сажи, судорожно сжимали край кадки.

— Таотэ... — жалобно позвал малыш, прижимаясь к стенке ушата.

Губы его снова задрожали, грозя новой лавиной слез.

<http://bllate.org/book/20392/2189167>